

e-ISSN: 2658-5650

Российская академия наук
Институт научной информации
по общественным наукам

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**№ 2
2019**

МОСКВА
2019

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт научной информации
по общественным наукам РАН»

Главный редактор:

В.А. Пицальникова – д-р филол. наук (Москва, Россия)

Заместитель главного редактора:

Л.Р. Комалова – д-р филол. наук (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Л.О. Бутакова – д-р филол. наук (Омск, Россия); *Н.Н. Германова* –
д-р филол. наук (Москва, Россия); *А.В. Кирилина* – д-р филол. наук
(Москва, Россия); *Е.Ф. Косиченко* – д-р филол. наук (Москва,
Россия); *В.В. Красных* – д-р филол. наук (Москва, Россия);
Е.В. Лукашевич – д-р филол. наук (Барнаул, Россия);
Е.Ю. Мягкова – д-р филол. наук (Тверь, Россия); *А.Г. Сонин* –
д-р филол. наук (Москва, Россия)

Редакционный совет:

Е.Н. Гуц – д-р филол. наук (Омск, Россия); *А.В. Кинцель* – канд.
филол. наук (Барнаул, Россия); *Дж. Кич-Дргас* (Познань, Польша);
Н.Ф. Крюкова – д-р филол. наук (Тверь, Россия); *А.Б. Михалёв* – д-р
филол. наук (Пятигорск, Россия); *В.А. Попова* – д-р филологии
(Шумен, Болгария); *Д.Д. Попов* – д-р филологии (Шумен,
Болгария); *Н.Н. Трошина* – канд. филол. наук (Москва, Россия);
Д.Д. Трегубова – канд. истор. наук (Москва, Россия);
С.А. Чугунова – д-р филол. наук (Брянск, Россия); *Э.Б. Яковлева* –
д-р филол. наук (Москва, Россия); *К. Янь* – канд. филол. наук
(Гуанчжоу, Китай)

Ответственный секретарь:

К.С. Карданова-Бирюкова – канд. филол. наук (Москва, Россия)

e-ISSN: 2658-5650

Russian Academy of Sciences
Institute of Scientific Information
for Social Sciences

ETHNOPSYCHOLINGUISTICS

SCHOLARLY JOURNAL

**№ 2
2019**

MOSCOW
2019

Founder:

Federal State Budgetary Institution of Science

«Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences»

Editor-in-chief:

Vera Pischalnikova – DSn in Philology (Moscow, Russia)

Deputy editor-in-chief:

Liliya Komalova – DSn in Philology (Moscow, Russia)

Executive secretary:

Kseniya Kardanova-Biryukova – PhD in Philology (Moscow, Russia)

Editorial board:

Larisa Butakova – DSn in Philology (Omsk, Russia); *Nataliya Germanova* – DSn in Philology (Moscow, Russia); *Alla Kirilina* – DSn in Philology (Moscow, Russia); *Elena Kosichenko* – DSn in Philology (Moscow, Russia); *Viktoriya Krasnykh* – DSn in Philology (Moscow, Russia); *Elena Lukashevich* – DSn in Philology (Barbaul, Russia); *Elena Myagkova* – DSn in Philology (Tver, Russia); *Alexandr Sonin* – DSn in Philology (Moscow, Russia)

Advisory board:

Elena Guts – DSn in Philology (Omsk, Russia); *Alyona Kintsel* – PhD in Philology (Barbaul, Russia); *Joanna Kic-Drgas* (Poznan, Poland); *Natalia Kryukova* – DSn in Philology (Tver, Russia); *Andrey Mikhalev* – DSn in Philology (Pyatigorsk, Russia); *Velka Popova* – PhD in Philology (Shumen, Bulgaria); *Dimitar Popov* – PhD in Philology (Shumen, Bulgaria); *Natalia Troshina* – PhD in Philology (Moscow, Russia); *Dinara Tregubova* – PhD in History (Moscow, Russia); *Svetlana Chugunova* – DSn in Philology (Bryansk, Russia); *Emma Yakovleva* – DSn in Philology (Moscow, Russia); *Kai Yan* – PhD in Philology (Guangzhou, China)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКИ

<i>Ионова С.В.</i> Вынужденная синтагматика информативных единиц и их восприятие	9
<i>Бокале П.</i> Дейксис, эпистемическая модальность и ирреальность в русском языке	24
<i>Стародубова О.Ю.</i> Интертекстуальность и национальная безопасность в медийном дискурсе	38

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Залипаева Ж.П.</i> Стратегии идентификации темпоральных идиом в индивидуальном лексиконе билингва	51
<i>Афанасик Д.А.</i> Компаративный анализ структурных особенностей и динамики концептов «брак / marriage»	66

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: СМЕЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Шаховский В.И.</i> Экологическая многоликость коммуникативных сред человека	79
<i>Бубнова И.А.</i> Прецедентное имя: Символ славного прошлого и расколотого настоящего	102
<i>Масленникова Е.М.</i> Лакуны культурного пространства и визуализация реалий: Личностные смыслы интерпретатора	114
<i>Дрога М.А.</i> Трансформация цитат в газетном тексте (На материале заголовков)	131

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА

<i>Гуц Е.Н., Худякова Н.О.</i> Обусловленность выбора методик психолингвистического эксперимента возрастными особенностями реципиентов	149
<i>Бутакова Л.О.</i> Самопрезентация пожилого возраста в режиме социально-коммуникативных и смысловых характеристик определенной возрастной группы	160
<i>Чугунова С.А.</i> Взаимодействие языков в условиях учебного билингвизма (По результатам свободного ассоциативного эксперимента)	175
<i>Фролова О.В., Ляксо Е.Е.</i> Коммуникативные навыки пяти-семилетних детей с нарушениями развития и умственной отсталостью	190

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

<i>Хрисонопуло Е.Ю.</i> Актуализация концептуальных архетипов и когнитивных структур как фактор выбора бытийного предложения в политическом дискурсе (На материале инаугурационных выступлений американских президентов)	207
<i>Корнеева Е.А.</i> Стратегии самопрезентации в жанре политических дебатов (На примере выступлений Терезы Мэй и Джереми Корбина)	219

CONTENTS

THEORETICAL AND APPLIED ISSUES OF ETHNOPSYCHOLINGUISTICS

<i>Ionova S.V.</i> Obliged Syntagmatic of Informative Pieces and their Perception	9
<i>Bocale P.</i> Deixis, Epistemic Modality and Irrealis in the Russian Language	24
<i>Starodubova O.Yu.</i> Intertextuality and National Security in Media Discourse	38

ETHNOPSYCHOLINGUISTICS AND CROSSCULTURAL COMMUNICATION

<i>Zalipaeva Z.P.</i> Strategies of Temporal Idiomatic Expressions Identification in a Bilingual's Individual Vocabulary	51
<i>Afanasik D.A.</i> Comparative Analysis of the Structural Features and Dynamics of Concepts «Brak / Marriage»	66

ETHNOPSYCHOLINGUISTICS AND LINGUACULTUROLOGY: RELATED ISSUES

<i>Shakhovsky V.I.</i> Ecological Diversity of Human Communicative Environments	79
<i>Bubnova I.A.</i> Allusive Name: A Symbol of the Glorious Past and Split Present	102
<i>Maslennikova E.M.</i> Lacunas of Cultural Space and Visualization of Realities: Interpreter's Personal Meanings	114
<i>Droga M.A.</i> Transformation of Quotes in Newspaper Text (On the Material of Headlines)	131

EXPERIMENTAL ETHNOPSYCHOLINGUISTICS

<i>Goots Ye.N., Khudyakova N.O.</i> Choice of Psycholinguistic Experiment Methods Depending on Age Characteristics of Recipients	149
<i>Butakova L.O.</i> Self-presentation of the Elderly in the Mode of Socio-Communicative and Semantic Characteristics of a Certain Age Group	160
<i>Chugunova S.A.</i> Language-to-Language Relationship in Classroom Bilingualism Environment (On the Basis of Free Association Test Findings)	175
<i>Frolova O.V., Lyakso E.E.</i> Communicative Skills of 5–7-year-old Children with Developmental Disorders and Intellectual Disabilities	190

ETHNOPSYCHOLINGUISTIC FEATURES OF INSTITUTIONAL DISCOURSE

<i>Khrisonopulo E.Yu.</i> The Evocation of Conceptual Archetypes and Cognitive Structures as a Factor for Choosing Existential Sentences in Political Discourse: The Case of Inaugural Speeches of American Presidents	207
<i>Korneeva E.A.</i> Strategies of Self-presentation in the Genre of Political Debate (On the Basis of Theresa May and Jeremy Corbyn's Parliament Speeches)	219

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

УДК: 811.111

DOI: 10.31249/epI/2019.02.14

Хрисонопуло Е.Ю. АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ АРХЕТИПОВ И КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР КАК ФАКТОР ВЫБОРА БЫТИЙНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (На материале инаугурационных выступлений американских президентов)¹

*Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Россия, Санкт-Петербург, hrisonopulo@mail.ru*

Аннотация. В настоящем исследовании ставится цель выявить факторы варьирования бытийных предложений в инаугурационных речах американских президентов. Предложения, сообщающие о наличии трудностей и проблем, стоящих перед обществом, имеют в качестве своей основы, главным образом, два типа семантико-синтаксических моделей: (1) синтаксические структуры с личным подлежащим и сказуемым, выраженным глаголом have или контекстуально соотносимыми с этим глаголом предикатами (We have / experience / face / confront problems), включая перцептивные глаголы (We see / experience difficulties); (2) бытийные конструкции с вводным подлежащим there (There are problems). Проводимый в работе анализ факторов выбора одного из типов конструкций в высказывании о ситуации бытия либо наличия опирается на языковые примеры, извлеченные методом сплошной выборки из десяти текстов инаугурационных обращений американских президентов в период с 1981 по 2017 г. Как свидетельствуют языковые данные, выбор высказывания определяется, главным образом, когнитивным содержанием, передаваемым подлежащим предложения в конкретном дискурсивном контексте. В исследовании показано, что личное подлежащее в высказываниях наличия и вводное подлежащее в бытийных высказываниях

¹ © Хрисонопуло Е.Ю., 2019

дифференцируются в качестве номинаций концептуальных архетипов «участник» и «экспериенциальная область» соответственно. Разграничение участника (У) и экспериенциальной области (О) по их функциональным характеристикам отражается в дифференции когнитивных структур, в которые они входят: фрейма события и экспериенциальной схемы соответственно. Актуализация упомянутых концептуальных архетипов в рамках данных когнитивных структур мотивирует, с одной стороны, выбор бытийного предложения, с другой – выбор речевой стратегии сообщения о соответствующей бытийной ситуации.

Ключевые слова: дискурс; высказывание; конструкция; подлежащее; концептуальный архетип; когнитивная структура; речевая стратегия.

Поступила: 26.06.2019

Принята к печати: 01.10.2019

Khrisonopulo E.Yu.

**Evocation of Conceptual Archetypes and Cognitive Structures
as a Factor for Choosing Existential Sentences
in Political Discourse:
The Case of Inaugural Speeches of American Presidents**

*Saint-Petersburg State University of Culture,
Russia, Saint-Petersburg, hrisonopulo@mail.ru*

Abstract. The proposed study aims to reveal the motivations for alternative uses of existential sentences in inaugural speeches of American presidents. Sentences that state the existence of different kinds of difficulties and problems faced by the society, are based mainly on two types of semantic-syntactic models: (1) syntactic structures with personal subjects and predicates expressed by the verb have or some other semantically and contextually correlative verbs (We have / experience / face / confront problems), including perceptual predicates (We see / experience difficulties) and (2) existential clauses headed by anticipatory there (There are problems). The suggested analysis of the factors that motivate the choice of one of the construction types in utterances about existential situations is based on examples drawn from ten texts of inaugural addresses of American presidents within the time period from 1981 to 2017. As evidenced by the linguistic data, the choice of a respective utterance is motivated mainly by the cognitive content conveyed by a particular clausal subject in a discourse context. The study shows that personal and anticipatory subjects of correlative clauses are distinguished as units of naming the conceptual archetypes «participant» and «experiential region», respectively. The differentiation of the participant (P) and experiential region (R) according to their functional

properties is reflected in the distinction of cognitive structures that the participant and experiential region are involved in: an event frame and experiential scheme, respectively. The evocation of the mentioned conceptual archetypes as parts of their cognitive structures motivates, on the one hand, the choice of existential sentences and, on the other hand, the choice of a speech strategy for the description of a particular existential situation.

Keywords: discourse; utterance; construction; clausal subject; conceptual archetype; cognitive structure; speech strategy.

Received: 26.06.2019

Accepted: 01.10.2019

Введение

Семантико-синтаксические модели, предназначенные для описания ситуаций бытия и наличия, входят в число наиболее широко употребляемых во многих видах дискурса (см., напр.: [Категории бытия и обладания в языке, 1977; Теория функциональной грамматики, 1996]). Бытийный статус тех или иных объектов либо явлений, оценка их существования или отсутствия в общественной жизни нередко становятся предметом обсуждений и, соответственно, многочисленных речевых высказываний. В частности, наличие социокультурных угроз в обществе является одной из наиболее обсуждаемых тем в различных видах политического дискурса (см. [Шейгал, 2000; Шапочкин, 2012]), в том числе в инаугурационных выступлениях президентов многих стран. Сообщения о подобного рода угрозах входит в описание трудностей и проблем, стоящих перед обществом на момент избрания главы государства. При этом в английском языке пропозитивные номинации наличия угрозы оформляются при использовании, главным образом, трех типов конструкций: (а) синтаксических структур с личным подлежащим и сказуемым, выраженным глаголом have или контекстуально соотносимыми с этим глаголом предикатами: We have / experience / face / confront problems; (б) в высказываниях с перцептивными глаголами: We see / experience difficulties; (в) бытийных предложений с вводным подлежащим there: There are problems.

Перечисленные конструкции нередко употребляются вариативно. Например, в приводимых ниже высказываниях описывается ситуация наличия большого количества работы как одного из способов устранения существующей угрозы. При этом в первом из двух высказываний происходит прямая номинация ситуации нали-

чия в предложении с личным подлежащим (*we*), в то время как во втором предложении основу высказывания составляет бытийная конструкция с вводным подлежащим *there*: My friends, we have work to do [Presidential speeches (Bush, 1989)]; For everywhere we look, there is work to be done [Presidential speeches (Obama, 2009)]. Следующий пример, в свою очередь, иллюстрирует вариативное употребление бытийных конструкций с вводным *there* и высказываний с личным подлежащим, выраженным местоимением 2-го лица: Those who say that we're in a time when there are not heroes, they just don't know where to look. You can see heroes every day going in and out of factory gates. Others, a handful in number, produce enough food to feed all of us and then the world beyond. You meet heroes across a counter, and they're on both sides of that counter. There are entrepreneurs with faith in themselves and faith in an idea who create new jobs, new wealth and opportunity [Presidential speeches (Reagan, 1981)].

Варьирование бытийных предложений в приведенных примерах ставит вопрос о факторах выбора одной из возможных конструкций в высказывании о существовании или наличии угроз либо условий, возможностей их преодоления. Поскольку ответ на этот вопрос непосредственно связан с интерпретацией варьирования подлежащего, а именно: выбора либо личного, либо вводного подлежащего *there*, одной из проблем исследования становятся те аспекты передаваемого вводным *there* содержания, которое делает его семантически соотносимым с личным референтным подлежащим в конструкциях с предикатами восприятия либо наличия. Хотя английские бытийные предложения достаточно подробно и глубоко рассматриваются в работах О.Н. Селиверстовой [Селиверстова, 1977, 1990], в исследованиях еще не предложено полного описания дискурсивного статуса вводного подлежащего как ключевого элемента в структуре бытийной семантико-синтаксической модели. Вместе с тем во многих теоретических описаниях английской грамматики (см., напр. [Блох, 2000; Кобринा, Болдырев, Худяков, 2007; Huddleston, 1998]) вводное подлежащее *there* рассматривается как собственно структурный элемент английского предложения, который передает обобщенное содержание.

Методика исследования

Проводимый в настоящей работе анализ факторов выбора одного из типов конструкций в высказываниях о наличии социокультурных угроз опирается на языковые примеры, извлеченные методом сплошной выборки из десяти текстов инаугурационных обращений американских президентов в период с 1981 по 2017 г. [Presidential speeches]. Совокупный объем рассмотренного материала составляет около 70 примеров, включающих как бытийные предложения, так и соотносимые с ними конструкции с личным подлежащим.

В качестве теоретической основы для исследования послужили два положения когнитивной лингвистики: (1) о наличии значения у всех языковых единиц независимо от их уровневой системной принадлежности, а также, как показано в работах Е.С. Кубряковой [Кубрякова, 1986, 2004], о дискурсивной обусловленности значения в ходе осуществления актов номинации и предикации при построении высказывания; (2) о возможности – при употреблении языковой единицы в высказывании – осуществления указания на концептуальный архетип как определенную когнитивную структуру знания [Langacker, 2000, р. 9].

В целом концептуальный архетип в когнитивной грамматике Р. Лэнекера определяется как концептуальная структура, которая укоренена в субъективном опыте и которая включает различные виды опыта восприятия, эмоциональных переживаний и мышления [Langacker, 2000, р. 24]. Среди базовых концептуальных архетипов, получивших выражение в английском языке, автор выделяет архетипы «участник» и «область», в том числе «абстрактную область». В отличие от области, обозначающей определенный участок пространства, включая мыслительное пространство в случае коммуникативной значимости абстрактной области, участник, по мнению автора, указывает на дискретную динамическую сущность, в прототипе – на личностный субъект действия, который играет ключевую роль в структурировании обозначаемой в предложении ситуации.

Тезис Р. Лэнекера о семиотической значимости концептуальных архетипов при оформлении высказывания дает основание сделать предположение о том, что вариативное использование предложений при описании бытийных ситуаций в приведенных выше примерах демонстрирует не просто выбор конструкции с личным либо формальным подлежащим, а указывает на проводи-

мое в языке разграничение между архетипами «участник» и «область» соответственно, в инициальной позиции в предложении. Сформулированное положение составляет основу теоретической гипотезы данного исследования, которая далее будет обосновываться в ходе решения двух основных задач: (1) охарактеризовать концептуально значимые характеристики архетипов «участник» и «область», которые предопределяют функционирование соответствующих номинаций в дискурсе; (2) идентифицировать когнитивные структуры, в рамках которых выделяются и получают номинацию эти два концептуальных архетипа.

Результаты исследования

Поскольку базовыми, собственно языковыми, операциями при порождении высказывания являются номинация и предикация, то допущение о том, что вводное подлежащее *there* представляет собой номинацию определенной мыслительной области, предполагает предицирование этой области признаков, которые отличают ее от концептуального архетипа «участник». Прежде всего надо отметить, что подлежащее, указывающее на участника, в прототипе сочетается со сказуемым, выражющим те или иные его свойства, состояния, действия. Поэтому вполне закономерной является возможность усложнения сказуемого за счет модальной предикации, употребляемой в корневом значении, выражаящем, в частности, необходимость как-то справляться с наличием угрозы, как в первом из приводимых примеров; либо волеизъявление в связи с наличием вызовов и трудностей, как во втором примере: 1) *We know we have to face hard truths and take strong steps, but we have not done so; instead, we have drifted [Presidential speeches (Clinton, 1993)]*; 2) *We will face challenges. We will confront hardships. But we will get the job done [Presidential speeches (Trump, 2017)]*.

В свою очередь, когда наличие тех или иных внутренних состояний в ситуации угрозы описывается в конструкциях с вводным *there*, т.е. с подлежащим-областью, то при сочетании этого вводного элемента с модально усложненным сказуемым всегда выражается субъективная эпистемическая модальность, ср.: *There should be no fear – we are protected, and we will always be protected [Presidential speeches (Trump, 2017)]*.

Различия, фиксируемые в модальном усложнении сказуемого между предложениями с подлежащим-участником и подлежащим-

областью, отражают дискурсивное различие в организации соответствующих высказываний. При употреблении высказываний с вводным there, которые приветствуют эпистемическую модальность, в центре внимания будет находиться само содержание угрозы, обозначаемое смысловым подлежащим, т.е. именной группой после связочного глагола. Не случайным поэтому представляется расширение именно этой именной группы, как в следующем высказывании, где в состав именной группы попадают номинации всего спектра проблем, стоящих перед обществом: There is work to do, work that Government alone cannot do: teaching children to read, hiring people off welfare rolls, coming out from behind locked doors and shuttered windows to help reclaim our streets from drugs and gangs and crime, taking time out of our own lives to serve others [Presidential speeches (Clinton, 1997)].

В другом примере, где описывается сходная ситуация наличия проблемы и – в определенном смысле – наличия социального вызова, употребляется конструкция с личным подлежащим и предикатом have (We have a deficit to bring down). Вместе с тем сам факт указания на участника (we), а не на область (there) ведет к дискурсивно обусловленному разворачиванию глагольной группы, а именно описанию действий, которое участник будет выполнять в ситуации трудностей и проблем: We have a deficit to bring down. We have more will than wallet, but will is what we need. We will make the hard choices, looking at what we have and perhaps allocating it differently, making our decisions based on honest need and prudent safety. And then we will do the wisest thing of all. We will turn to the only resource we have that in times of need always grows: the goodness and the courage of the American people [Presidential speeches (Bush, 1989)].

Различие между областью и участником, выражаемыми вводным there и личным подлежащим соответственно, в плане предикации онтологически отличных сущностей области по контрасту с предикацией внутренних свойств участнику находит отражение в разграничении двух дискурсивных стратегий в тексте. При номинации экспериенциальной области при использовании вводного there реализуется стратегия комментария того, что в эту область входит или может войти, ср.: We believed then and now: There are no limits to growth and human progress when men and women are free to follow their dreams. And we were right to believe that. Tax rates have been reduced, inflation cut dramatically, and more people are employed than ever before in our history [Presidential speeches (Reagan, 1985)].

Поскольку комментарий допускает различные осмысления одного и того же содержания, то вполне закономерными являются диалогичные употребления конструкций с подлежащим-областью, как в приводимом ниже примере, где наличие проблемной ситуации в логике рассуждений об угрозах представлено в форме риторического вопроса: *Is there either logic or morality in believing that if one side threatens to kill tens of millions of our people our only recourse is to threaten killing tens of millions of theirs? [Presidential speeches (Reagan, 1985)]*.

Напротив, при выборе предложения, в котором позицию подлежащего занимает номинация участника, реализуется стратегия сообщения о текущем либо будущем положении дел. Об этом свидетельствуют два ранее приведенных высказывания: *We know we have to face hard truths and take strong steps, but we have not done so; instead, we have drifted [Presidential speeches (Clinton, 1993)]; We will face challenges. We will confront hardships. But we will get the job done [Presidential speeches (Trump, 2017)]*.

Сообщение о наличии угроз либо проблем, в отличие от комментария этих же вопросов, в меньшей степени допускает обсуждение сообщаемой ситуации, чем, видимо, и обусловлено отсутствие вопросительных высказываний с подлежащим-участником.

Отличие конструкции с вводным *there* от предложений с подлежащим-участником в плане предикации признака тесно связано с разграничением данных синтаксических структур в плане устанавливаемых внутри них семантических взаимосвязей между составляющими. Так, в конструкциях с вводным *there* обозначаемая экспериенциальная область и называемый знаменательным подлежащим бытующий объект связаны друг с другом как поле перцептивного и / или мыслительного восприятия и центр внимания наблюдателя. Напротив, в высказываниях с личным подлежащим актуализируется субъектно-объектное отношение. Так, в приводимом ниже примере переход от бытийной структуры, выражающей наличие проблемы разобщенности в конгрессе, к структуре с перцептивными предикатами и личным подлежащим (*We have seen <...> heard ...*) сигнализирует о переключении внимания на самой проблеме к сообщению о разновидностях перцептивных действий и их соответствующих объектов в описываемой ситуации: *For Congress, too, has changed in our time. There has grown a certain divisiveness. We have seen the hard looks and heard the statements in which not each other's ideas are challenged but each other's motives [Presidential speeches (Bush, 1989)]*.

Разница в характере концептуальных взаимосвязей, которые вербализуются в предложениях с подлежащим-областью по контрасту с подлежащим-участником, ведет в тексте к реализации различных стратегий повествования при использовании соответствующих предложений. Так, актуализация взаимосвязи «сфера восприятия / осознания – фокус внимания», происходящая при употреблении предложений с вводным there, способствует созданию статичного описания, где в рамках называемой экспериенциальной области (there) экспрессивно выделяется попадающий в эту область объект, событие либо же отсутствие того или другого. При этом различные эффекты салиентности создаются при выделении различного рода объектов, в частности:

(а) определенных объектов, как в следующем примере, где наличие отрицательно оцениваемой группы людей представляется в виде чего-то действительно угрожающего: Today, we utter no prayer more fervently than the ancient prayer for peace on Earth. Yet history has shown that peace does not come, nor will our freedom be preserved, by good will alone. There are those in the world who scorn our vision of human dignity and freedom [Presidential speeches (Reagan, 1985)];

(б) неопределенных объектов, как в примере, где фактически небольшое количество людей (some) представляется как нечто, с необходимостью обращающее на себя внимание: Now, there are some who question the scale of our ambitions – who suggest that our system cannot tolerate too many big plans [Presidential speeches (Obama, 2009)];

(в) отсутствие объекта как такового, которое тем не менее становится значимым именно в конструкции с подлежащим-областью,ср.: As an older American, I remember a time when people of different race, creed, or ethnic origin in our land found hatred and prejudice installed in social custom and, yes, in law. There's no story more heartening in our history than the progress that we've made toward the brotherhood of man that God intended for us. Let us resolve there will be no turning back or hesitation on the road to an America rich in dignity and abundant with opportunity for all our citizens [Presidential speeches (Reagan, 1985)]; When you open your heart to patriotism, there is no room for prejudice [Presidential speeches (Trump, 2017)];

(г) присутствие только одного объекта определенного класса, значимость которого подчеркивается именно в структурах с вводным подлежащим: There is only one way safely and legitimately to reduce the cost of national security, and that is to reduce the need for it [Presidential

speeches (Reagan, 1985)]; There is only one force of history that can break the reign of hatred and resentment, and expose the pretensions of tyrants, and reward the hopes of the decent and tolerant, and that is the force of human freedom [Presidential speeches (Bush, 2005)].

Заключение

Стратегия описания, которая, как было показано выше, реализуется при использовании предложений с вводным there, в определенной мере контрастирует со стратегией изложения, реализуемой при употреблении предложений с подлежащим-участником, связанным с тем или иным объектом. Субъектно-объектное отношение создает динамику в устной речи, как в приводимом ниже примере, где выбор конструкции с личным подлежащим, направленным на объект (if we meet this challenge) вместо возможной бытийной структуры (if there is a challenge of this kind), дает возможность представить ситуацию наличия вызова и угрозы как ситуацию противостояния: And if we meet this challenge, these will be years when Americans have restored their confidence and tradition of progress; when our values of faith, family, work, and neighborhood were restated for a modern age ... [Presidential speeches (Reagan, 1985)].

Очевидно, что предложения с подлежащим-участником в большинстве случаев своего употребления активируют в тексте (и в дискурсе) фрейм события, в котором само событие получает глагольную номинацию, а его «слоты» – наряду с главным участником в позиции подлежащего – заполняются и вербализуются в конкретном контексте и в зависимости от коммуникативной задачи высказывания и текста в целом. Особенностью предложений с подлежащим-участником является возможность – в рамках данных предложений – осуществлять указание на временную структуру соответствующего событийного фрейма, ср.: For decades we have piled deficit upon deficit, mortgaging our future and our children's future for the temporary convenience of the present [Presidential speeches (Reagan, 1981)]. В результате заполнения слота «временная структура» в приведенном высказывании наличие проблем и угроз экономического характера предстает объемно во времени и как нечто, затрагивающее интересы граждан (we).

Слот «временная структура» скорее всего отсутствует в том схемном образовании, с которым связаны конструкции с подлежащим-областью, поскольку в последних гораздо чаще встреча-

ются обстоятельства частотности, как в следующем примере: But we, the present-day Americans, are not given to looking backward. In this blessed land, there is always a better tomorrow [Presidential speeches (Reagan, 1985)].

Можно предположить, что предложения с вводным there активируют не событийный фрейм, а экспериенциальную схему, в которой номинативные средства распределяются следующим образом: вводное there указывает на экспериенциальную область; бытийный глагол и соотносимые с ним единицы обозначают наступление и существование события в экспериенциальной области; предикативная именная группа, в свою очередь, имеет в качестве своего референта само событие либо его предметную составляющую. В рамках экспериенциальной схемы само событие рассматривается целостно, без эксплицитной привязки ко «внешнему времени» либо месту. В связи с этим ссылка на наличие угроз либо проблем при использовании конструкции с подлежащим-областью эффективно осуществляется в высказываниях с обобщенной временной референцией, ср.: Where there is suffering, there is duty [Presidential speeches (Bush, 2001)].

Напротив, употребление высказывания со сходной семантикой при употреблении личного подлежащего и перцептивного глагола, как в нижеследующем примере, способствует активации фрейма события, в котором союз when вводит более конкретную ситуацию, которая, возможно, вызовет эмпатию со стороны слушателя: When we see that wounded traveler on the road to Jericho, we will not pass to the other side [Presidential speeches (Bush, 2001)].

Проведенный анализ варьирования конструкций с вводным there в инаугурационных речах свидетельствует о том, что в основе этого варьирования лежат факторы когнитивно-дискурсивного характера. В дискурсе публичного выступления английское формальное подлежащее there является не просто десемантизированным структурным элементом, а языковым указанием на концептуальный архетип «экспериенциальная область». Этот архетип отличается от соотносимого с ним архетипа «участник», выраженного в соответствующих конструкциях либо местоимением, либо существительным. Соответственно, выбор одной из конструкций носит не формально-структурный характер, а обусловлен проводимыми в дискурсе различиями концептуального характера.

Список литературы

- Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – М., 2000. – 160 с.
- Категории бытия и обладания в языке / отв. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1977. – 259 с.
- Кобринна Н.А., Болдырев Н.Н., Худяков А.А. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М., 2007. – 368 с.
- Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М., 1986. – 159 с.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004. – 560 с.
- Селиверстова О.Н. Контрастиальная синтаксическая семантика: Опыт описания. – М., 1990. – 150 с.
- Селиверстова О.Н. Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке // Категории бытия и обладания в языке / Ярцева В.Н. (ред.). – М., 1977. – С. 5–67.
- Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб., 1996. – 229 с.
- Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект. – Тюмень, 2012. – 260 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.; Волгоград, 2000. – 368 с.
- Huddleston R. English grammar: An outline. – Cambridge, 1998. – 212 p.
- Langacker R.W. Grammar and conceptualization. – Berlin; New York, 2000. – 427 p.
- Presidential speeches. – Режим доступа: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches> (Дата обращения: 20.03.2019 г.).

References

- Bloh, M.Ya. (2000). *Teoreticheskie osnovy grammatiki*. Moscow.
- Kategorii bytiya i obladaniya v yazyke* (1977). Moscow.
- Kobrina, N.A., Boldyrev, N.N., Hudyakov, A.A. (2007). *Teoreticheskaya grammatika sovremenennogo anglijskogo yazyka*. Moscow.
- Kubryakova, E.S. (1986). *Nominativnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti*. Moscow.
- Kubryakova, E.S. (2004). *Yazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira*. Moscow.
- Seliverstova, O.N. (1990). *Kontrastivnaya sintaksicheskaya semantika: Opyt opisaniya*. Moscow.
- Seliverstova, O.N. (1977). Semanticheskij analiz ekzistencial'nyh i posessivnyh konstrukcij v anglijskom yazyke. In: Yarceva, V.N. (Ed.), *Kategorii bytiya i obladaniya v yazyke* (pp. 5–67). Moscow.
- Teoriya funkcional'noj grammatiki. Lokativnost'. Bytijnost'. Posessivnost'. Obuslovленност'* (1996). Saint-Petersburg.
- Shapochkin, D.V. (2012). *Politicheskij diskurs: Kognitivnyj aspekt*. Tyumen'.
- Shejgal, E.I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa*. Moscow; Volgograd.
- Huddleston, R. (1998). *English grammar: An outline*. Cambridge.
- Langacker, R.W. (2000). *Grammar and conceptualization*. Berlin; New York.
- Presidential speeches. Retrieved from <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches>